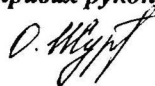

0-774009

На правах рукописи

ЖУРАВЛЕВА Оксана Александровна

**ФЕНОМЕН КАВКАЗА В РОССИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ
ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ**

10.01.02. – Литература народов РФ

**А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Майкоп – 2008

Работа выполнена на кафедре литературы и журналистики Адыгейского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Панеш У.М.**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Хуако Ф.Н.**,
кандидат филологических наук
Хуако С.А.

Ведущая организация: Адыгейский республиканский
институт гуманитарных
исследований им. Т.М. Керашева.

Защита диссертации состоится «16» января 2009г. в 15⁰⁰ часов
на заседании Диссертационного совета Д 212.001.02 в Адыгейском
государственном университете по адресу: 385000, г. Майкоп, ул. Уни-
верситетская, 208.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Адыгейского государственного университета.

Автореферат разослан «15» декабря 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Л.И. Демина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность исследования. Кавказ, как название географической территории, уже более двух столетий существует в своеобразной интеллектуально-эстетической атмосфере, терминологически обозначенной как «феномен». Сущность феномена Кавказа заключается в непрерывном к нему интересе, фокусирующемся на его расположении во времени и пространстве. Собственно этот интерес был подогрет стремлением самого Кавказа к самоопределению, становлением его государственности, начиная с XVIII века. Развитие интереса было обусловлено рядом причин, которые отмечают исследователи-кавказоведы. Главной причиной, по мнению одного из известных ученых-кавказоведов Ю. Тхагазитова, явилось столкновение двух типов цивилизаций: «В столкновении двух типов цивилизаций, двух типов сознания, двух религий Запада и Востока рождался русский «исторический культурный миф» о Кавказе, где существует «золотой век», где люди «вольны, как орлы»; в нем отчетливо проявляется ностальгия русской культуры по цельности мировосприятия; русским представляется, что мироощущение горцев, лишенное всеразъедающей рефлексии и скепсиса, с его народным и социальным миром и воплощает то естественное состояние, которое уже не первый век искала европейская... культура»¹. Подобные по смыслу высказывания встречаются у других современных ученых (В. Лебедев, Е. Лебедева, Н. Ковальчук, С. Шапкина). Последние утверждают, что «...Интерес к иномациональному ... был порожден кризисным состоянием всей европейской цивилизации в начале XIX века, разочарованием в современной реальности и стремлением стать сопричастным с иным типом культуры, идеальным и мистическим»². Заявив о себе, тема Кавказа продолжала развиваться и получала новые импульсы в соответствии с возникновением конфликтных событий на территории (будь то Кавказская война или спустя сто лет – война, очагом которой стала Чеченская республика).

Таким образом, стремление Кавказа к самоопределению было и остается до сегодняшнего момента предметом обостренного внимания других народов и стран, включая первостепенным образом Рос-

¹ Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). - Нальчик, 1996. - С. 57.

² Художественная литература и Кавказ: материалы 2-й науч.-практ. конф. Сочи, 2008. - Сочи: СГУТиКД, 2006. - С. 15.

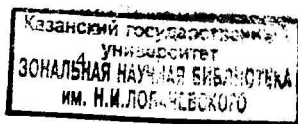
сию, главное территориально и политически соседствующее государство. Причем для современной России, как отмечают критики, «...положение на Северном Кавказе в ближайшей и даже достаточно дальней перспективе во многом будет определять внутреннюю и внешнюю политику России»¹.

Августовские события 2008 года в Южной Осетии подтвердили эту мысль, теперь уже явно распространяя позицию и на Южный Кавказ. На встрече в Грозном за «Круглым столом» редакции журнала «Дружба народов» с писателями Северного Кавказа Л. Теракопян высказал свою оценку влияния драматических событий в Чечне на Россию и Кавказ: «Кого-то в России отбушевавшая война коснулась лишь краем, глухими раскатами далекого грома, эхом репортажей из горячих точек. Кто-то воспользовался ею как удобным предлогом для политического красноречия о Кавказе и кавказцах, о тейпах и кланах, для брошенных версий о якобы фатальных этических раздорах. Кому-то она же подкинула захлестнувшие экраны развлекательные сюжеты о похищениях, выкупах, заложниках и повязанных с мафией «злых чеченцев». Здесь, в Грозном, эта детективная экзотика не срабатывает. А если и срабатывает, то с обратным знаком – как постыдно-оскорбительная перед лицом реальной трагедии русских и чеченцев, ингушей, осетин, дагестанцев. На фоне разрушенных жилищ, бомбовых воронок, эпопеи бегства, вдовства, сиротства. Все здесь сливается в единое переживание, в единую память: и Буденновск, и Беслан, и Ботли, и Первомайск, и Шали».² Мнение участников форума было единым, и его выразил Л. Теракопян: «Именно это гуманистическое измерение преобладает и подкупает сегодня в чеченской литературе. И боль от свежих, далеко еще не зарубцевавшихся ран обостряет решимость извлечь уроки для будущего. Исторические, нравственные, психологические, философские. Может быть, потому вся национальная культура так явственно устремлена сейчас к диалогу».³ Стремление узнать, разобраться и попытаться дать оценку современной обстановке в Кавказском регионе, а также найти пути выхода из драматических положений – вот актуальная задача и политиков, и военных, и публицистов, и писателей.

¹ Дымов И. Потерянные дети Кавказа // Книжное обозрение. - 2008. - № 22-23. - С. 21.

² Теракопян Л. Уроки чеченского, или Работа над ошибками // Дружба народов. - 2008. - №9. - С. 152.

³ Там же.

Естественно, вышеоговоренный «исторический культурный миф» не мог не отразиться в художественной литературе. Современная литература России на кавказскую тему опирается на разработанные в течение двух столетий традиции осмысления духовно-эстетических линий взаимодействия с Кавказом, его воздействия на русскую литературу:

1. В первой половине XIX века – романтическое освоение национальных и общечеловеческих идей свободы, чести и непокорности, поэтизация природы (А. Бестужев-Марлинский, А. Грибоедов, М. Лермонтов, А. Пушкин).

2. На рубеже XIX-XX веков – тенденция к реалистическому воссозданию национального мира горца, идея просвещения как необходимость его сосуществования с традиционными религиозно-нравственными законами и обычаями. Проблемы Запада и Востока, свободы и власти. (Л. Толстой).

3. Неоромантическая поэтизация истории, природы и национального менталитета горца (К. Бальмонт, И. Бунин, В. Немирович-Данченко, проза адыгских просветителей).

4. Тенденция анализа социально-философских проблем русской жизни начала XX в. в контексте жизни народов Кавказа (М. Горький, А. Чехов, Ю. Казибек, И. Цей и др.)

5. Начиная с 20-х годов XX века – преобладание тематики социалистического переустройства общества (М. Горький, Ф. Панферов, И. Цей, Т. Керашев, М. Шагинян и др.)

Как отмечает У.М. Панеш, «оценка истории литературы должна в любом случае опираться на систематизацию всех явлений, всех произведений и включение их в общее художественно-эстетическое движение»¹.

Современные эстетические формы воплощения нравственного, идеологического содержания феномена Кавказа – очерковая литература, лирика, большой и малый эпос. В советской литературе о Кавказе эти жанры связаны с именами К.Паустовского, А.Приставкина, Н. Тихонова, М. Шагинян, представителей адыгской литературы Т. Керашева, Н. Куека, И. Машбаша и др. В современной российской литературе – В. Астафьева, М. Ахмадова, А. Битова, С. Говорукина,

¹ Панеш У.М. Литература изменяющегося мира. - Майкоп, 2007. - С. 11.

Э. Горюхиной, Д. Гуцко, А. Евтыха, В. Маканина, Э. Минкаилова, Г. Немченко, З. Прилепина, А. Проханова, В. Распутина, Н. Куска, Ю. Чуяко и др.

В этом ряду значатся писатели, объединенные русскоязычием, облегчающим их диалог в пределах и вне Кавказского региона. Доминирующие идеолого-духовные проблемы их творчества связаны в единый блок идеями гуманизма и толерантности. Динамика их развития, будучи обусловленной геополитическим положением Северного Кавказа, резонансом на трагические события Кавказской войны, возмужалостью исторического опыта России, ищет в литературе новые жанрово-эстетические возможности. Они, как показывает художественный опыт творцов, – на путях синтеза классических литературных форм с фольклорно-мифологическими, сращенности разных типов творчества, создания нового типа героя.

Значительное число исследователей подтверждает факт остроты взаимодействия «двух цивилизаций» – России и Кавказа и **актуальность** проблемы диалога между народами. Ее решение требует громадных усилий, ибо политико-идеологическое взаимодействие государств сдерживается позицией напряженности. Но эстетическое восприятие современностью традиционного и обновленного мира Кавказа представляет сейчас особый интерес. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в российских и региональных источниках. К примеру, в журнале «Дружба народов» (2002, №4; 2006, №8; 2008, №9). В 2007 году в Москве издан Сборник рассказов северокавказских писателей (М.: Фолио, 2007. – 763 с.). Современные ученые сходятся на мысли, что диалог двух культур, представленный на страницах литературы Северного Кавказа и литературы России, становится показательным во время возрождения российской государственности и что литература данного направления нуждается в глубоком переосмыслении и созидательном восприятии.

События сегодняшнего дня меняют облик Кавказа, но драматизм происходящего остается постоянным. Писатели в разных жанровых формах продолжают развивать идею Кавказа и целый ряд проблем, берущих давние корни и вновь обретающих силу либо обусловленных современными обстоятельствами, например, бинарная оппозиция: «русский – нерусский», «свой – чужой», «гармония – хаос», «приверженность к родной земле – махаджирство», «гуманность –

жестокость». Кавказские проблемы обрастают новыми нюансами, более опасными, овсянными жестокими войнами. Активизируются публицистика и художественная проза вследствие политических причин, овсянных межнациональными вспышками конфликтов. Исключительность значения этой темы в том, что она злободневна, и требуется заинтересованный взгляд исследователя, который не снижает уровня научности, но и дает личностное отношение к происходящему. Системный анализ публицистики, как и исследование художественной прозы, нуждается в большей полноте.

Актуальность работы – в стремлении воплотить актуальную идею межнационального диалога культур в концептуальную разработку темы феномена современного Кавказа.

Степень разработанности исследуемой темы. В качестве литературоведческих работ монографического характера, проложивших путь к дальнейшему исследованию по нашей теме, являются труды: Л. Бекизовой, Р. Мамия, У. Панеша, К. Паранук, Т. Степановой, Х. Тимижева, Ю. Тхагазитова, М. Хачемизовой, К. Шаззо, В. Шульженко.

Изучению темы «Литература и Кавказ» в последнее десятилетие посвящены диссертационные исследования, среди которых необходимо выделить работы: С. Богатыревой, М. Ворониной, Н. Золотухиной, С. Инаркаевой, С. Кардановой, Л. Маргания, Л. Меграбян, Т. Овсянниковой, О. Павлюк, Н. Приймаковой, И. Хатковой, Ф. Шебзуховой.

Среди диссертационных исследований следует остановиться на работе М.Н. Хачемизовой «Художественный мир Тембота Керашева в контексте развития адыгских литератур: проблемы исторической поэтики». Автор в рамках монографической темы о писателе характеризует духовно-нравственные корни адыгского искусства, четко обозначает главные стороны художественной традиции Т.Керашева, служащие ориентиром и для современной литературы.

В диссертации К.Н. Паранук «Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе» выражен современный взгляд на художественно-структурную новизну произведений ряда современных адыгских прозаиков, что позволяет убедительно обосновать наступление нового этапа эпичности в адыгских литературах. Развитие этой мысли плодотворно для осмысления современной кавказской прозы с диалектикой ее традиционности и новизны.

В диссертационном исследовании О.М. Павлюк, посвященном автобиографической литературе о Кавказе второй половины XX века, рассматриваются мемуарно-биографические жанры обозначенного периода. Ученый, выбрав сравнительно-исторический план изучения «кавказского текста» русской литературы, анализирует ее генезис, жанрово-видовое многообразие и поэтику.

Работа С.В. Богатыревой «Россия и Кавказ в литературе и публицистике XX – начала XXI веков» заслуживает особого внимания. В ней автор представил целостное рассмотрение проблемы культурного диалога России и Кавказа в контексте литературоведческих, журналистских, исторических, философских исследований XX – начала XXI столетий, выделил генеральную линию диалога и определил новые методологические подходы идейно-художественного анализа произведений северокавказской литературы XXI века. Нам представляется ценным и введение в массив исследования, с точки зрения задач реинтерпретации, творчества абхазских поэтов и писателей (С. Чанба, Б. Шинкубы и др.).

Материалы международных, российских и региональных форумов по проблемам Северного Кавказа, опубликованные на страницах газет, журналов и в сети Интернет: М. Ахмадова, Г. Базиевой, А. Барцыц, Л. Бекизовой, Х. Быкова, Л. Егоровой, С. Зухба, Р. Камбачоковой, Л. Куни, В. Лебедева, В. Лебедевой, Н. Хайбулаевой, М. Хакуашевой, Е. Шибинской, Н. Шишховой.

Объект исследования – произведения эпического жанра современной российской литературы (Д. Гуцко, Э. Горюхиной, З. Прилепина, Г. Немченко, Ю. Чуяко и др.) последних двух десятилетий на кавказскую тему.

Предмет исследования – раскрытие сущности современного понятия «феномен Кавказа» через рассмотрение жанрово-смысловых элементов этого явления в художественной прозе и публицистике последних лет.

Целью предпринятого исследования является изучение круга идейно-художественных проблем, составляющих главный спектр кавказского феномена в произведениях русской и русскоязычной литературы.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- исследовать сущность феномена Кавказа как явления в литературном процессе; выявить его особенности в изменяющейся геополити-

тической обстановке в мире, в современной духовно-идеологической жизни Северокавказского региона;

- обозначить ряд идейно-эстетических направлений, раскрывающих образ Кавказа в его многогранном проявлении;

- определить жанровую представленность литературы выбранных направлений, рассмотреть эстетическое освоение морально-этических категорий и социально-философской национальной идеи как «смыслообразующего феномена и критерия художественности»;

- произвести комплексный анализ эпических форм произведений литератур России и Северного Кавказа двух последних десятилетий; осмыслить их идейно-художественную новизну в означенном аспекте.

Научная новизна диссертационного исследования в изучении российской художественной литературы (последних двух десятилетий) в ракурсе ее обращения к феномену Кавказа; в комплексном структурно-стилевом анализе ряда произведений эпического жанра, составляющих пласт литературы заданной тематики и отличающихся художественной новизной.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен Кавказа заключается в его постоянном восприятии как исключительного явления и в непрерывном интересе к его сущности, фокусирующемся на [его] истории, культуре и геополитическом положении. Линии воздействия феномена Кавказа на российскую литературу в XIX-XX вв. разнятся идейно-содержательными и эстетическими тенденциями. Отражение их дало богатейшую многоязычную и многожанровую литературу, сформировало стойкие традиции для ее последующей жизни.

2. Современная сущность феномена Кавказа сосредоточена в трех составляющих: история, культура, человек. Логика развития их связи в литературе о Кавказе может быть представлена в бинарной оппозиции: Война [смерть – бездомье] – Мир [жизнь – Дом]. Эта связь обобщающих понятий образует основной тематический круг нынешней философии мира и человека – не только кавказского, но и российского.

3. Динамика развития побуждает к поискам новых жанрово-эстетических возможностей на путях осмысления нового типа героя, философской проблематики, синтеза классических литературных форм со злободневной публицистикой или фольклорно-мифологическими формами.

4. Художественно-документальная и очерковая литература уникальна для северокавказского региона по проблематике содержания и типологией очерков: а) по разнообразию жанров, порой не вмещающихся в традиционную классификацию; б) по особенностям авторского присутствия (от персонификации автора до философско-медитативной окраски повествования); в) по степени и характеру эмоционально-публицистического элемента; г) по особенностям погружения текста в историко-культурный контекст; д) по ментальности и родному, материнскому языку авторов.

5. «Кавказская» проза XXI века отличается новым взглядом на войну и мир и усложненным содержанием. Первые шаги к овладению этой линией, идущей под знаком «новой жестокости», числятся за В. Маканиным («Кавказский пленный»), Д. Гуцко («Русскоговорящий»), З. Прилепиным («Патологии»).

Исследование изобразительно-выразительных форм и приемов в кавказской литературе последнего десятилетия выявило их зависимость от современных мировых тенденций, влияние российской военной прозы, а также новаторство современных писателей в развитии кавказской темы.

6. В ретроспекции кавказская война присутствует в адыгейском романе Ю. Чуюко «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой». Впервые в северокавказской прозе адыгейскому писателю удалось создать роман нового жанра – гъыбзе (плач), придать новый философски-эстетический ракурс теме «Пушкин и Кавказ». Жанр, сочетающий фольклорную элегию с литературным эпосом, позволил деликатно совместить эпохи, дав одновременную жизнь историческим и вымышленным героям, включая лирическое «Я» автора.

Перекликается с пушкинской темой, но отличается новым ее решением цикл рассказов Г. Немченко «Вольный горец». Определение жанра условно, содержание книги представляет своеобразный калейдоскоп самых разных по жанру и направлению авторской мысли миниатюр, стянутых к единой идее о бессмертии таланта и всемогуществе милосердия.

Методологической и теоретической основой диссертационной работы являются принципы теории познания, историко-литературоведческие исследования и труды П. Басинского, В. Бондаренко, Н. Глушкова, Ж. Голенко, Е. Журбиной, В. Канторовича, Р. Ляшевой,

А. Скрипник, а также адыгских литературоведов: Л. Бекизовой, У. Панеша, Р. Мамия, К. Паранук, А. Схалыхо, Ю. Тхагазитова, М. Хачемизовой, Ф. Хуако, К. Шаззо, Е. Шибинской и др.

Методы исследования – системно-типологический, исторический, описательный, сравнительно-исторический, жанрово-концептуальный.

Теоретическая значимость обусловлена теоретико-текстуальным изучением российской и региональной литературы и публицистики последних десятилетий, исследованием авторских подходов к раскрытию «феномена» кавказской литературы как части современного литературного процесса и жанрового обрамления современных текстов.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования ее результатов в дальнейших исследованиях по истории русской литературы и в базовых курсах по «Литературе народов РФ», «Истории отечественной журналистики»; при разработке спецкурсов и спецсеминаров по литературе и журналистике, посвященных взаимодействию культуры России и Кавказа.

Апробация работы. Материалы диссертации были положены в основу докладов на VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, докторантов и молодых ученых «Наука XXI века» (Майкоп, 2005), IV Всероссийской конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь» (Майкоп, 2007), II научно-практической конференции «Художественная литература и Кавказ» (Сочи, 2007). Основные положения диссертации нашли отражение в семи публикациях автора.

По своей **структуре** работа организована в соответствии с поставленной целью и задачами и состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении мотивируется выбор темы, формулируются цели и задачи, принципы исследования; определяется степень актуальности и научной новизны работы; представляются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава работы *«Своеобразие современного очерка на кавказскую тему»* состоит из трех подглавок. В первой освещается история, теория и типология жанра очерка, значение для его формирования адыгской просветительской традиции. Другие подглавки со-

держат характеристику общего и особенного в двух основных типологических видах кавказского очерка: путевого и проблемного.

1.1. Результаты изучения историко-теоретических основ современного очерка позволили выдвинуть следующие положения в характеристике своеобразия кавказского очерка: все его разновидности отвечают параметрам, известным в науке и закрепленным в современном очерке. Синкретичность жанра – наиболее убедительный его формально-сущностный признак. Российская литература и адыгская просветительская традиция участвовали в его формировании в XIX-XX вв. Восходя к письмам и путешествиям, будучи практически закреплён в творчестве плеяды российских авторов (от Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина до Л.Н. Толстого и А.П. Чехова), современный кавказский путевой очерк обогащён не только российской традицией, но и опытом адыгских просветителей: Хан-Гирея, Ш. Ногмова, С. Казы-Гирея, Умара Берсея, Кази Атажукина, Адиль Гирея Кешева (Каламбия), Ю. Кази-Бека Ахметукова, С. Сиюхова и других. Интерес к этнографическому очерку оставался острым и в начале XX в. благодаря проблемной постановке, укреплению в нем личного начала, публицистическому подходу авторов к злободневным темам махаджирства и абречества, культуры и цивилизации, власти и общества, нравственному кодексу адыгов (И. Цей, С. Сиюхов, Д. Хаткоко, И. Супако, Х. Хаджимуков, Т. Керашев и др.). Современные очерки на кавказскую тему (В. Астафьев, А. Битов, С. Говорухин, Э. Горюхина, А. Куек, С. Кусова-Чухо, Р. Ляшева, А. Макоев, Э. Минкайлов, Г. Немченко, А. Приставкин, Ю. Чуяко) представляют в своей совокупности спектр разнообразных жанровых модификаций, ведущих к мысли о феноменальной притягательности Кавказа всеми составляющими его сущность.

1.2. Под углом зрения концепции *«Общее и особенное в современных путевых очерках»* рассматривается «Ловля пескарей в Грузии» В. Астафьева и цикл «Путешествия учительницы на Кавказ» Э. Горюхиной.

Общее в очерках: 1. Жанр. 2. Конкретизация житейски-бытовых и нравственно-философских представлений о стране и ее населении через углубление в духовно-нравственный мир человека, его труд и природу. 3. Осмысление увиденного путем: сомнений в истинности опережающих странника иллюзий и предрассудков, отказе от стереотипов межнациональных отношений даже в прозаической плоскости

бытия; поиски истины. 4. «Перетекание» созерцательного отношения к новой «стране обитания» в аналитическое, тревожно-внимательное, сосредоточенное на образах добра и зла. 5. Автор-путешественник – активно мыслящая и тонко чувствующая личность, не создатель, а участник процесса утверждения жизни посредством диалога культур. 6. В итоге – персонификация созерцательных наблюдений в индивидуализированные образы людей, усиление публицистики в очерке.

Особенное: У В. Астафьева этот процесс происходит в драматической ситуации столкновения в инонациональной среде разных нравственных понятий, духовных состояний, привычного уклада жизни. Коллизии развиваются в экологической, а формируются в социально-психологической плоскости. Призрак межнационального конфликта утасает под натиском гуманистического осмысления автором инокультуры как своей. Автор делает шаги навстречу грузинской культуре (храм в Гелати, Шота Руставели, царь Давид, гостеприимство и отзывчивость народа), на почве единства с народом нравственного понимания смысла и ценности жизни. Нравственно-эстетические проблемы решаются через посредство художественно представленных образов-характеров двух персонажей и символических образов водяных «жителей» – пескарей и раков. Идея невозможности жизни оборачивается надеждой на выживаемость – даже в нечеловеческих условиях. Эта же надежда в очерках Э. Горюхиной.

В очерках Э. Горюхиной акцент сделан на нравственно-психологический аспект межнационального конфликта в трагической ситуации войны (Грузия, нагорный Карабах, Чечня). Автор осмысливает разные варианты выхода, чувствует давящую одноцветную палитру горя. Его тень падает на эмоции автора, горюющего в хронике безнадёжного времени. Однако он становится участником диалогов солидарности в утверждении жизни. Отсюда собирательные образы людей, не только носителей общенациональной и частной беды, но и воплощающих мужество, стоицизм.

Лирика и публицистика, образы и мифологемы Кавказа сближают стиль двух авторов.

1.3. Проблемные художественные очерки Э. Минкаилова, А. Куека, Г. Немченко.

Л. Теракопян в статье «Уроки чеченского, или Работа над ошибками» («Дружба народов», 2008, №9), призывая к формированию об-

щероссийского самосознания на основах гуманизма, умения слушать другого, процитировал З. Прилепина, предостерегающего от «ущербности одностороннего взгляда»: «...нельзя смолчать о том, что чеченская война вытоптала собственно чеченскую душу, а то мы все о русских да о русских...».

Участники третьего форума литераторов Северного Кавказа («Дружба народов», 2008, №9) констатировали, что голоса чеченских писателей еще не обрели нужной силы в реакции на трагические события последнего десятилетия. Тем не менее рассказы и художественные очерки проблемного характера составляют ядро чеченской литературы малого жанра и так или иначе связаны с темой Чеченской войны.

Заслуживает особого внимания очерк «В тумане» Эльбруса Минкаилова, главного редактора национального журнала «Орга» (Сборник северокавказских писателей «Война длиною в жизнь», 2007). Очерк – о войне глазами мирного жителя, очевидца военных действий, попавшего в круговорот зловещих обстоятельств, откуда нет выхода. «Война несет горе всему живому», – в этой фразе и тема произведения, и его идея, и источник сквозной горькой интонации повествования. Все: экспозиция, движение сюжета, пейзаж из разбитых тяжелых машин и исковерканных человеческих трупов, силуэты живых людей на их фоне – все поглощается одним ощущением – страха, одним осязанием – липкого тумана, застилающего сознание, зрение... Автор находит эмоциональные ключи к двум частям повествования: в городе и попытка выбраться из города. Трагичность последней сцены страшной гибели молодых людей как бы притуплена зримым воссозданием зловещего непроходимого тумана. Но автор не подменяет образа подлинного убийцы невинных людей мистическими природными катаклизмами. Из тумана проступают четкие контуры бессмысленности войны и неясности ее причин.

Проблемное содержание этнографического очерка «Дубовые ветви, защищенные чинарой» Асфара Куека тоже касается войны, но Кавказской.

Символика природных образов дуба, его корней, чинары – своеобразный камертон развития темы. Другое название очерка прочитывается между строк: «Новое поколение, защищенное старым». Но проблематика очерка шире темы преемственности поколений, защиты потомства. Круг проблем, прежде всего, из прошлого – Кавказской

войны и самосохранения этноса. И из настоящего – сохранение Дома, Мира, жизни. Война убила убыхскую культуру. Вместе с ней похоронила людей, обычаи, традиции, родной язык, национальное самосознание. Асфар Куек попытался воскресить убыхский народ и его культуру, рассказав в очерке об истории и судьбе народа, его героях, воскресив звучание убыхского языка. Актуальность придает очерку особое качество достоверности: так, автор пытается разобраться в причинах, нанеших урон убыхской культуре. Помимо известных, обращено внимание на тезис: «Отсутствие горячего стремления самих убыхов говорить на родном языке, хранить язык народа с очень давней культурой»¹. В качестве аргументов в очерке развернута система доказательств и мыслей о значении родного языка (научные факты, легенды и предания, культ дерева в народном самосознании: дуб и чинара как символы стойкости и памяти).

Таким образом, этнографизм в очерке является способом создания образа народа убыхов. Ядро очерка составляет актуальнейшая проблема сохранения этноса. Это живое образное повествование, достойное быть в ряду и абхазской и адыгской литературы, так или иначе связанной с проблемой судьбы убыхов, махаджирства (Б. Шинкуба, Г. Немченко, И. Машбаш, С. Чанба и др.).

Феномен Кавказа в разветвленности восприятия современной кавказской действительности, не замкнут в рамки Войны. Мир – Жизнь – Дом – служат философским символом жизнестойкости и преданности родине в притчеобразных очерках Г. Немченко.

И «Воспоминание о Красном Быке» и «Предчувствие журавлей» Г. Немченко участвуют в художественно-публицистическом выражении идеи стойкости духа и веры в свет будущего, что составляет одну из составных сущности феномена Кавказа. «Подымите-ка голову!» – обращается к читателям автор, описывая самоспасение быка от жестоких ран. «Выше голову», – жизненная позиция автора в «Предчувствии журавлей». Эти птицы – «символ добропорядочной жизни, аскетической чистоты и верности». У них нужно учиться жизни. Ведь жизнь – тоже искусство жить в обществе, уметь договариваться и понимать друг друга, «не бояться встречного ветра», который, в конце концов, как бы ни крутил и как бы ни назывался, разобьется о «стену

¹ Куек А. Дубовые ветви, защищенные чинарой // Литературная Адыгея. 2004. № 1. С. 78.

Главного Кавказского хребта», стену неприступности, стену непробиваемой сплоченности.

Выводы по первой главе содержат оценку жанрового своеобразия текстов, отвечающих пониманию автором образа «феномена Кавказа».

Вторая глава «Феномен Кавказа в современной российской прозе: поиски межчеловеческого диалога в межнациональных отношениях» включает три подглавки, раскрывающие движение «новой» литературы о кавказской войне конца XX века: от «жестокой» прозы В. Маканина до «Патологий» З. Прилепина, «Русскоговорящего» Д. Гуцко и современных рассказов чеченских писателей.

Концепция главы: номинальная связь новой военной прозы с чеченской кампанией, осмысление авторами духовно-нравственных проблем, связанных с идеями войны, жизни и смерти, подсознательная устремленность ведущих персонажей к межчеловеческому диалогу.

В 2.1. «Знаки «новой жестокости» в рассказе В. Маканина «Кавказский пленный» – тревожные симптомы растущего зла автор увидел в межнациональных отношениях еще до разгара чеченской кампании. В 2-3 эпизодах военного быта писатель квалифицирует войну не только «вялой», «дурной», но и «странной» и «страшной», где солдаты не знают, за что воюют, и объяснить им этого не могут даже их противники. Хотя название восходит к кавказской традиции русской прозы, понятие «пленный» выступает двояко: плен военный, реальный и плен виртуальный, плен чьих-то амбициозных непонятных, чужих идей. Пленный – жертва, красивый горский юноша, нехотя задушенный одним из солдат по малообъяснимым им самим мотивам. Тема красоты, которая спасет мир (по Достоевскому), здесь развивается как опасный постулат, ибо с ее участием разворачиваются кровавые события. На фоне цветущей красоты природы – жуткое зрелище разможенного солдатского тела. Созерцание красоты пленника – и назревание разрушительной тревоги, вылившейся в его убийстве. Споры критики о причинах столь парадоксальных ощущений сейчас могут быть разрешены с помощью романа З. Прилепина «Патологии». Здесь же необходимо согласиться с мнением критики о бегстве Маканина из «социологии» в «биологию», требующую натуралистического изображения. Человек как особь в комплексе физиологических ощущений (известная традиция одной ветви русской литературы 20-30-х гг. XX в.,

современной европейской литературы середины XX в.) потребовал сопряжения реализма с условными формами изображения, тончайших психологических нюансов – с характерами, редуцированными до социального «знака».

Набор знаков – выражение без слов упрощенных физиологических потребностей солдат: уничтожать красоту, быть сытым и ни о чем не спрашивать, никому не верить, ничего не говорить. Эта связь с дефицитом мужества и стала почти универсальной формулой недуга, охватившего наше общество в конце XX – начале XXI вв.

В главке 2.2. – характеристика первого военного романа Захара Прилепина «Патологии». Название своего произведения автор комментирует так: «Потому и во множественном числе употреблено в заголовке слово «патологии», что война – это одна патология, чувствительность героя – вторая, и есть еще множество иных, в нас, вокруг нас...»¹. Патологическая чувствительность героя, хотя он и служит в спецназе, проявляется и в военной, и в личной жизни, и тем отличает героя от окружающих и от предшественников в военных романах последнего периода. Соответственно и композиция романа основана на приеме параллельного монтажа военных сцен с мирными. Логика сочленения глав – создать ощущение прерывистости движения спецназа от задания к заданию – движения к гибели. Эпизоды войны подчинены логике сюжета о постепенно надвигающейся смерти и наивной самонадеянности жизни, не сумевшей предотвратить свое поражение.

Автор не задается обычными вопросами к войне, начинающимися словами «почему?». Он показывает, что происходит на территории военных действий и как ведут себя люди в форме на «территории хаоса». Столкновения и события представлены глазами очевидца. И в этом отличие произведения Прилепина. Правда жизни его романа в том, что это «роман о войне без идеи войны». Война уподоблена аду. Герой Прилепина переживает войну как социальную патологию. Роман пронизан безудержной решимостью убивать врага, причем с обеих сторон. В то же время людьми владеет чувство страха, зачастую – трусости. В чрезмерном качестве это уже патология. Скрывая ее, они ведут злую игру, сводящуюся к подсчету трупов. В финале игры – 9 оставшихся в живых из 50 участников операции по зачистке. Ге-

¹ Иванченко В. Захар Прилепин о свободе и счастье [Электронный ресурс] // Книжная витрина. 2007. Режим доступа: <http://www.zaharprilepin.ru>.

рой-повествователь выживает в этом аду, выходит с чистой совестью, но с расстроенным сознанием. Окружающие его предметы уподобляются деталям изуродованных человеческих тел. «Анатомический взгляд» Маканина на человека десять лет назад шокировал, в современном повествовании воспринимается как норма. В «Патологиях» мирная жизнь, любовь, данные в воспоминаниях героя, держатся на грани колебаний от «хаоса» к гармонии, а порой тоже представляются патологией.

Близкой гранью жизни и смерти обусловлена тема Бога в романе. Спорят о Боге, вере и любви, как понятия синонимического ряда, главный герой и один из бойцов. Упование на «волю Божью» здесь – признак сдвига в сторону надежды, якорь спасения.

Но отступление от литературной традиции трактовки войны и Кавказа можно причислить к патологии: в романе о Кавказе нет изображения Кавказа, его пейзажей, быта горцев, их самих. Кавказ является лишь территорией военных действий, где все чуждо и враждебно. Скорее всего, создан феномен Кавказа с отрицательным знаком.

2.3. По-новому осмысленные старые социально-нравственные проблемы в романе Д. Гуцко «Русскоговорящий» – результат анализа романа с социально-нравственной стороны его содержания. При всей традиционности темы, сюжета и композиции, при узнаваемости социальной биографии героя, – современная острая проблематика, самочувствие бывшего советского человека, представленное клинической картиной его затяжной болезни страха и безнадежности в новых общественных условиях – дали основание квалифицировать произведение Гуцко как «роман-симптом», «знамение сегодняшнего дня» (дискуссии вокруг факта присуждения автору Букеровской премии, 2005 г.). «Симптом», «знамение» бездны отчуждения, бездомья, бессилия среднего человека противостоять «системам» (армии, войны, паспортно-визовой службы и других продажных чиновничьих учреждений), «хаосу Вавилона». Герой словно выпавшее звено в любой из систем. Однако этому злу противопоставлено искреннее чувство дома – родины героя: «нет родины – нет истории («корней») – нет человека»... Это убеждение – стержень духовной состоятельности героя, болезненно относящегося к понятиям «честь», «достоинство», «справедливость». Налицо русская литературная традиция: «лишний человек». Новое сознание Д. Гуцко выразил, воспользовавшись со-

временными мировыми тенденциями и приемами (А. Камю, Р. Мураками, Д. Коупленд, У. Сатклифф и др.), в стилевом плане – «клиповое сознание», «параллельный монтаж», «документализм», «синтетические метафоры». В стиле Гуцко интересны скрытые образы, синонимические ряды, рефрены, вставные новеллы. Напрасиваются параллели между «Русскоговорящим» и «Патологиями», созданными в одно и то же время, автобиографическими, с «запахом войны», пронизывающим каждую их живую клеточку. Главные герои все чаще тянутся к священным книгам. В их отношении к войне, в психологической структуре их образов, ощущается присутствие традиции русской военной классики начала XX века. Тем не менее, современная проза о Кавказе, создаваемая российскими авторами, представляет новое явление, могущее быть составным понятием «Феномен Кавказа».

В ракурсе этой оценки необходимо отметить появление в «малой» чеченской прозе новой волны, где торжествует трагическая неразрывность цепи понятий: Война – смерть – бездомье (А. Макоев «Остров гнома», С. Мусаев «Абрикос», Л. Куни «Абрисы», А. Шатаев «Темные лица»), но центр тяжести в них перемещен на художественное воссоздание спектра сложных переживаний оставшихся в живых: горе, отчаяние, ненависть к врагу, чувство ожесточения и мести – и покаяния героя перед мертвыми родственниками за «грехи» своих поступков. Таков блестящий рассказ «Абрикос» С. Мусаева. Герой винит себя за то, что оставил родину еще в «благополучные» годы, уехал в Москву; стремясь сделать научную карьеру – пожертвовал для диссертации счастьем общения с семьей, а когда вернулся – нашел тени погибших родителей, «бездомный Дом». Жизнь поглощена смертью. Война ушла, а жестокий призрак смерти остался.

Целью **третьей главы** является осмысление *своеобразия художественно-идеологической трактовки темы «Пушкин и Кавказ» в современной северокавказской прозе*. Мотивом выбора в качестве ярких современных литературных явлений на Северном Кавказе романа адыгейца Ю. Чуюко «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой» и повести русского Г. Немченко «Вольный горец» является стремление обратить внимание на художественную новизну истолкования образа Пушкина как духовного феномена для народов Кавказа, как явления нравственно-прекрасного, зовущего народы к мирному диалогу на кавказской земле.

Ю. Чуюко стремился выразить собственное осмысление личности Пушкина в своеобразном синтезе национально-поэтической и авангардистской эстетики и оказался первооткрывателем такого подхода в адыгейской литературе. Автор достигает эффекта феномена, используя фольклорную форму плача, сочетая ее с жанровыми признаками исторического романа на тему Кавказской войны XIX в., которая, в свою очередь, выливается в тему «Кавказ и Пушкин». Ю. Чуюко избрал жанр плача не только с целью оплакать Пушкина, а для того, чтобы в неделимом авторском чувстве горца – сына Кавказа выразить и скорбь утраты, и свою вину за это чувство к «врагу» как моральное отступничество. Но в спектре чувств автора побеждает эмоционально-интеллектуальная сторона. Своеобразие инонационального (русского) мира, воссозданного через восприятие адыгов, и адыгейского мира – через восприятие Пушкина – представлено одновременно, в параллельном изображении: истории (в реалиях прошлого) и Пушкина (через проблему Поэта и мира).

Художественная оригинальность книги Г. Немченко – в мастерстве «нанизывания» на стержень авторской мысли, казалось бы, совершенно разных по проблематике и структуре произведений: лирическое эссе, философские раздумья, современная «былина», реалистический рассказ, очерк-портрет. Ведущая идея всех произведений – бессмертие таланта и милосердия, воплощенных в великом русском поэте и ближним эхом откликающихся в разноплеменном человеческом общежитии. Следует оценить и стремление Гария Немченко расширить рамки видения темы, «остранить» его диалог с Пушкиным, попытаться деликатно, но прямодушно, открыто развить идею «корней» русского человека.

В **Заключении** приводятся обобщающие результаты исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейшей разработки данной темы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикация в журнале, рекомендованном ВАК:

1. Журавлева, О.А. Особенности поэтической формы в трактовке пушкинской темы Юнусом Чуюко в романе «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой» / О.А. Журавлева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. – 2008. – №9(37).

В других изданиях:

2. Журавлева, О.А. «Путешествия учительницы на Кавказ» Эльвиры Горюхиной / О.А. Журавлева // Филологический вестник: научный и образовательный журнал. – Майкоп, 2004. – № 6. – С. 96-100.

3. Журавлева, О.А. Философский аспект рассказа Владимира Маканина «Кавказский пленный» / О.А. Журавлева // Филологический вестник: научный и образовательный журнал. – Майкоп, 2005. – №7 – С. 100-106.

4. Журавлева, О.А. Кавказская тема в очерках Э. Горюхиной / О.А. Журавлева // Наука XXI веку: VI Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, докторантов и молодых ученых: материалы X Недели науки МГТУ. – Майкоп: Качество, 2005. – С. 72-73.

5. Журавлева, О.А. Живое пламя памяти об убухах (о путевых заметках А.Куся «Дубовые ветви, защищенные чинарой») / О.А. Журавлева // Филологический вестник: научный и образовательный журнал. – Майкоп, 2006. – № 8. – С. 77-81.

6. Журавлева, О.А. Гарий Немченко в предчувствии журавлей / О.А. Журавлева // Наука. Образование. Молодежь: материалы IV Всерос. конф. молодых ученых. Ч. II. – Майкоп, 2007. – С. 57-61.

7. Журавлева, О.А. Духовно-эстетическое осмысление Кавказа в современной литературе России / О.А. Журавлева // Художественная литература и Кавказ: материалы 2-й науч.-практ. конф. – Сочи: РИО СГУТ и КД, 2008. – С. 20-22.

ЖУРАВЛЕВА Оксана Александровна

**ФЕНОМЕН КAVKAZA В РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И ПУБЛИЦИСТИКЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ**

А в т о р е ф е р а т

Подписано в печать 15.12.2008 г.

Формат бумаги 60х84¹/₁₆. Бумага ксероксная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 1,0. Заказ №901. Тираж 100 экз.

Издательство МГТУ

385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191

